

К.А. Панцеров

(СПбГУ)

СТРАНЫ АФРИКИ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ ЮЖНЕЕ САХАРЫ, В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ВОЗМОЖНОСТЬ ПРОРЫВА

На протяжении многих десятилетий правительства африканских стран предпринимали попытки по обеспечению устойчивого социально-экономического развития. Но все их попытки заканчивались усилением зависимости от высокоразвитых западных государств, которые преследовали свои стратегические интересы на континенте.

Можно попытаться объяснить природу зависимости африканских обществ тем обстоятельством, что после провозглашения независимости перед странами Африки встала необходимость встраивания в существующую мирохозяйственную систему на правах равноправных акторов. Однако для достижения поставленной цели необходима прочная финансовая и материальная база, которой страны Африки по понятным причинам не обладали.

Страны Запада всегда были готовы оказать помощь своим менее развитым африканским партнерам, но только в том случае, если африканские государства будут проводить выгодные им экономические преобразования, направленные прежде всего на создание благоприятных условий для действия западных инвесторов в регионе.

Страны Африки осознавали опасность чрезмерного участия западных государств в решении внутриафриканских проблем. Именно этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что в Африке появились концепции, ориентированные на минимизацию присутствия западных инвесторов в экономике. Однако политика опоры на собственные силы оказалась крайне несостоятельной. Слишком много факторов препятствовало успешной реализации этой стратегии и прежде всего социально-экономическая отсталость стран континента.

Сегодня интерес к Африке проявляют не только западные государства, но и Китай, Индия, Иран и Бразилия. Постепенно наращивает свое присутствие на континенте и Россия. Однако включение этих стран в борьбу за влияние в регионе может привести к изменению сложившейся в Африке структуры зависимости, но не к ее преодолению.

Африканские страны по-прежнему продолжают рассчитывать на иностранную помощь, воспринимая ее как нечто само собой разумеющееся, вместо того чтобы прилагать усилия к консолидации африканского общества для решения общих для многих африканских государств проблем. Таким образом, в условиях Африки, на наш взгляд, чрезвычайно подходит следующее высказывание: «Лишь одно может быть хуже, чем засилье иностранных инвесторов — их отсутствие» [Бек 2002: 17]. Так, если оказывающее помощь развивающимся государствам развитое международное сообщество называет это своим «историческим призванием», уверяя своих менее развитых африканских «партнеров», что «помощь обремененным обществам (африканским. — *К.П.*) — это долг обустроенных народов (представителей западной цивилизации. — *К.П.*)» [Ролз 2002], то развивающиеся африканские государства считают «историческим призванием» ее получать.

Наиболее наглядной иллюстрацией данного тезиса будет, с нашей точки зрения, высказывание президента Ганы Джона Мохамы, сделанного им на торжественном открытии в Университете Ганы в октябре 2013 г. Всемирного конвента африканистов, в работе которого нам довелось принять участие. В своей приветственной речи он заявил, что «нам (африканцам. — *К.П.*) нужна Европа для того, чтобы спастись от бедности» («We need Europe to rescue from the poverty»). **Представляется очевидным, что до тех пор, пока подобные высказывания будут звучать из уст глав африканских государств, вряд ли следует ожидать кардинальных перемен внешнеполитических ориентиров подавляющего большинства стран Африки.**

Известно, конечно, и диаметрально противоположное высказывание другого африканского президента. На состоявшемся в 2007 г. в Лиссабоне саммите «ЕС — Африка» президент ЮАР

Табо Мбеки в достаточно резкой форме порекомендовал европейцам оставить решение внутренних африканских проблем самим африканцам. «У вас (европейцев. — *К.П.*) есть конкретные решения стоящих перед нами (африканцами. — *К.П.*) проблем. Какие?» — заявил глава Южно-Африканской Республики.

Однако подобная, безусловно, правильная точка зрения, если принимать во внимание африканские реалии, крайне сложно реализуема на практике, поскольку она требует наличия прочной финансовой и материально-технологической базы, не говоря о человеческом потенциале, который в условиях вступления мира в цифровую эпоху становится одним из неперенных условий обеспечения устойчивого социально-экономического развития.

Эпоха глобализации принесла африканским странам новые вызовы и угрозы. Мир теперь стал делиться не только на экономически развитые и экономически отсталые регионы, но еще и на информационно богатые страны, имеющие доступ к современным компьютерным технологиям, и информационно бедные государства, развитие компьютерных систем и сетей в которых находится в зачаточном состоянии.

Создается, таким образом, класс информационно богатых людей (в пределах одной отдельно взятой страны) и информационно богатых наций (в пределах мирового сообщества в целом), которые используют новейшие информационные технологии и информацию в качестве важного инструмента для установления тотального контроля над другой, «информационно бедной» частью мирового сообщества.

Нельзя сказать, что указанная проблема не привлекает внимание мировой общественности. По большому счету центральная задача в сфере построения глобального информационно-коммуникационного пространства должна сводиться к тому, чтобы каждый индивид вне зависимости от пола, возраста, социальной принадлежности имел бы равный доступ к информационным ресурсам, являющимся общемировым достоянием.

На прошедшем в Тунисе в 2005 г. втором раунде переговорного процесса на высшем уровне в рамках Всемирного саммита по информационному обществу было отмечено, что «доступ

к информации, а также совместное использование и формирование знаний существенным образом способствуют усилению экономического, социального и культурного развития, тем самым помогая всем странам в реализации согласованных на международном уровне целей и задач, включая цели, сформулированные в Декларации тысячелетия <...> Кроме того, информационно-коммуникационные технологии дают возможность гораздо более широким, чем когда-либо, слоям населения принимать участие в совместном использовании и расширении базы человеческих знаний, а также содействовать их дальнейшему накоплению во всех сферах человеческой деятельности и применению в области образования, здравоохранения и науки» [Тунисское обязательство 2005].

Понятно, таким образом, почему сегодня формирование экономики, основанной на знании, становится одним из основных стратегических приоритетов политики как развитых, так и развивающихся стран, которые видят в современных инновационных технологиях эффективный инструмент, способный обеспечить устойчивый социально-экономический рост.

В Кении, например, принят в 2008 г. общий программный документ «Видение 2030», который представляет собой программу развития страны на период 2008–2030 гг., нацеленную на превращение Кении «в промышленно развитую страну со средним доходом, обеспечивающим гражданам высокий уровень жизни» [Kenya Vision 2030].

В соответствии с этой программой в развитии страны выделяются три неотъемлемые составляющие, три столба — экономическую, социальную и политическую сферы. Без них поступательное социально-экономическое развитие государства не представляется возможным.

Аналогичный документ существует и в Нигерии. Там он называется «Видение 2020» — тоже весьма общая и амбициозная концепция социально-экономического развития страны, принятая нигерийским правительством. Согласно этому документу, к 2020 г. экономика Нигерии должна войти в двадцатку ведущих экономик мира, быть способной играть ключевую роль в социально-

экономическом развитии всего африканского континента, а также стать заметным игроком на глобальной экономической и политической арене [Concept for Nigeria's Vision 2020].

Способствовать решению указанных и в кенийском «Видении 2030», и в нигерийском «Видении 2020» задач призваны современные информационно-телекоммуникационные технологии, которые должны стать эффективным инструментом, обеспечивающим устойчивое социально-экономическое развитие Кении и Нигерии.

На первый взгляд может показаться, что африканские страны ставят перед собой чрезвычайно амбициозные и трудновыполнимые задачи, на пути всестороннего решения которых стоит еще целый ряд серьезных проблем.

Как известно, плавный переход к информационному обществу возможен только в том случае, если общество прошло в своем развитии два этапа — аграрный и индустриальный. Но страны Африки в основном до сих пор находятся на аграрной стадии развития. И получается, что они пытаются перескочить на постиндустриальную ступень, минуя индустриальную.

Следует признать, что современный уровень развития информационных технологий в странах Африки не позволяет им рассчитывать на скорую равноправную интеграцию в глобальное информационно-коммуникационное пространство. Они в большинстве своем не располагают надлежащими финансовыми и материально-технологическими ресурсами для создания на своей территории развитой информационно-телекоммуникационной инфраструктуры.

Для того чтобы догнать страны Запада, им приходится прибегать к помощи все тех же западных государств, которые, умело спекулируя на финансовой зависимости и технологической отсталости своих африканских партнеров, вынуждают последних проводить выгодные западным инвесторам экономические и политические преобразования, направленные на создание благоприятного инвестиционного климата, способного обеспечить приток иностранных инвестиций. Этот процесс, получивший наименование «структурной перестройки» экономик африканских стран,

изначально носил характер «контролируемой либерализации», однако достаточно быстро он превратился в практически бесконтрольный стихийный процесс, в результате которого в частную собственность предприятий с иностранным участием попала практически вся информационно-коммуникационная индустрия континента.

Так, во многом именно под давлением Международного валютного фонда и Всемирного банка кенийское руководство в 1998 г. было вынуждено начать процесс рыночных реформ информационного сектора, в результате которых прекратила существование Национальная почтовая и телекоммуникационная корпорация, и был взят курс на полную либерализацию отрасли. В результате французская телекоммуникационная корпорация «France Telecom» получила контрольный пакет акций «Telcom Kenya».

Вынужденной мерой оказалась и приватизация в 1997 г. национальной сенегальской телекоммуникационной компании «Sonatel», когда встал вопрос о необходимости технической модернизации ее мощностей. Контрольный пакет акций был выкуплен французской корпорацией «France Cables Radio», являющейся филиалом «France Telecom».

Во многом именно финансовой и материально-технологической зависимостью от ведущих мировых держав можно объяснить тот факт, что многие выработанные африканскими странами национальные стратегии по развитию информационных технологий в той или иной степени ориентированы исключительно на создание благоприятного климата для привлечения частных зарубежных инвесторов в отрасль.

Подобное положение вещей не позволяет странам Африки рассчитывать на скорую равноправную интеграцию в глобальное информационно-коммуникационное пространство. Наоборот, сложившаяся ситуация приводит к формированию **информационной асимметрии**, под которой следует понимать неравномерное распространение информации и информационных технологий с их концентрацией в высокоразвитых государствах с последующим их экспортированием в остальные регионы планеты, включая Африку. Особенно подчеркнем, что речь идет об экспорте как ин-

формационных продуктов как таковых, так и информационных технологий.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что сегодня информационная зависимость превращается в новое и, надо признать, достаточно эффективное средство удержания позиций ведущих мировых держав на континенте. Африканские государства, преследуя цель быстрого создания на своей территории информационно-телекоммуникационных систем и не имея для этого достаточной материально-технической и финансовой базы, вынуждены прибегать к помощи западных государств, которые, используя информационную зависимость африканских партнеров, укрепляют свое влияние на континенте.

В качестве примера приведем анализ основных стадий, которые неизбежно должны были пройти в своем развитии электронные средства массовой коммуникации (радио, телевидение, а в современную эпоху и Интернет), привнесенные в страны «третьего мира» из развитых стран западной цивилизации.

На начальной стадии государство-реципиент, преследуя амбициозную цель быстрого создания на своей суверенной территории информационно-телекоммуникационной системы и не имея для реализации этого проекта достаточной материально-технической и финансовой базы, принимает концептуальное решение о заимствовании общей модели вещания на стороне, в большинстве случаев у США, Франции или Великобритании, которые в стремлении к установлению тотального господства в культурно-информационной сфере и к обеспечению устойчивых рынков сбыта для своей продукции информационно-коммуникационного производства с большой готовностью оказывают развивающимся странам помощь в создании на их территории информационно-коммуникационной инфраструктуры. Таким образом, стремясь в какой-то мере сократить увеличивающийся разрыв с развитым миром, развивающиеся страны добровольно открывают свой нарождающийся медиа-рынок для западных телекоммуникационных предприятий и их продукции. Это значит, что мы не можем интерпретировать «помощь» стран Запада в создании в развивающихся странах национальных информационно-телекоммуникационных

систем и сетей как результат «вторжения» или «насильственного насаждения» чуждых африканской культуре ценностей и институтов. Этот выбор был сделан самой правящей элитой стран Африки «во имя национального развития» [Шиллер].

Поначалу подобная политика поощрения усилий стран Запада в создании национальной информационно-коммуникационной системы дает видимые положительные результаты. Однако нельзя в точности «предсказать результаты культурного господства, которые некогда вытекали со всей очевидностью из контроля капитала и доступа к информационному аппарату» [Шиллер]. С одной стороны, в африканских государствах действительно начинают складываться собственные информационные мощности, появляется медиа-индустрия. Но с другой стороны, при более детальном изучении информационно-телекоммуникационного поля развивающихся стран, созданных при поддержке западных транснациональных медиа-концернов, становится очевидным, что формирующиеся в странах Африки национальные информационно-коммуникационные системы во многом копируют организационную и концептуальную модель крупнейших мировых медиа-корпораций, оказывающих помощь в создании указанных систем.

Понятно, что чрезмерное проникновение европейской массовой культуры в развивающиеся страны может представлять угрозу национальной самобытности африканских народов. Африканские государства, в свою очередь, не могут не осознавать этой угрозы и пытаются, в частности законодательными средствами, сдерживать продвижение западной массовой культуры вглубь региона. Однако очевидно, что в полной мере оградить свои народы от указанной информации африканские государства, зависимые в большинстве своем от своих западных партнеров, не в состоянии. С развитием современных информационных технологий осуществлять контроль над информационным полем становится практически невозможно. Африканские страны могут пытаться установить государственный контроль над сетью Интернет, однако эта мера вряд ли приведет к ожидаемым положительным результатам.

Очевидно, что страны Африки в своем стремлении к интеграции в глобальное информационное пространство непременно должны оказывать содействие распространению на своей территории современных информационных технологий, но следует отметить, что осуществить это возможно только при определенной финансовой и технологической поддержке со стороны крупнейших информационных держав. Таким образом, можно сделать вывод, что зависимость африканских стран будет неизбежно увеличиваться, невзирая ни на какие протекционистские меры национальных правительств.

Эту опасность отмечают некоторые исследователи средств массовой информации, в частности Энтони Смит, который высказал предостережение, что «угроза независимости, которую в конце двадцатого века представляет собой новейшая электроника, может быть более опасной, чем колониализм <...> Новые информационные средства способны внедряться в “воспринимающую” культуру более глубоко, чем любое предшествовавшее им проявление западной технологии. Результатом может быть невообразимый хаос, усугубление и без того существующих в развивающихся странах социальных противоречий» [Гидденс: 391].

В этой связи представляются не лишними основания определенные опасения целого ряда африканских стран относительно дальнейшего усиления мировых интеграционных процессов, поскольку они боятся оказаться быть выброшенными на периферию этих процессов. Примечательно, что указанное обстоятельство осознают и некоторые африканские общественно-политические деятели, которые в своих высказываниях справедливо утверждают, что «упования на внешнюю помощь вряд ли являются конструктивным выходом из нынешней сложной ситуации в экономике (отдельно взятых африканских стран и континента в целом. — *К.П.*)» [Матвеева 2009: 40].

Ведущие мировые державы стараются использовать желание африканских государств развернуть на своей территории развитые информационно-телекоммуникационные комплексы, с тем чтобы укрепить свое влияние в регионе. Поэтому сегодня чрезвычайно

насущным будет вопрос, насколько африканским странам удастся сократить указанную зависимость.

На наш взгляд, решение этой задачи напрямую зависит от продуманных действий африканских правительств, направленных на создание развитой информационно-коммуникационной инфраструктуры, обучения широких слоев населения начальным навыкам работы на компьютере и проведения собственных научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Разумеется, мы не можем сказать, что в этом направлении африканские страны за последние годы так и не предприняли никаких усилий. Скорее наоборот, если принять во внимание тот факт, что на рубеже 1990–2000-х годов информационные технологии в странах Африки были практически неизвестны, следует признать, что к 2015 г. указанные государства сумели добиться значительных успехов. Были проложены основные магистральные оптоволоконные линии связи, обеспечившие подключение стран континента к глобальному коммуникационному хребту. Однако информационные технологии так и не сделались общедоступными и все еще продолжают носить элитарный характер. К тому же в большинстве своем они основаны на западных образцах и стандартах, не прошли необходимую локализацию¹ и не отвечают потребностям местного населения, которое зачастую не видит необходимости в их каждодневном применении для решения своих насущных задач. К тому же каждый год ввиду бурного развития информационных технологий, с одной стороны, и ежегодного естественного прироста населения Африки — с другой, «цифровой разрыв» между ведущими информационными супердержавами и африканскими государствами только продолжает набирать обороты, несмотря на многочисленные попытки стран континента, направленные на его сокращение. Страны Африки по-прежнему уверенно занимают последние места в мировых рейтингах по уровню развития

¹ Под локализацией в данном контексте мы предлагаем понимать разработку компьютерных программ, максимально адаптированных к потребностям местного населения.

информационных технологий. Так, Маврикий в общем рейтинге ООН по развитию информационно-телекоммуникационных технологий в 2011 г. занял 69 место, Тунис — 84, Египет — 91, а ЮАР — 97. Таким образом, мы видим, что из всех африканских стран, и это представляется закономерным, лучшие показатели у островного государства Маврикий, претендующего на то, чтобы стать IT-мостом между Индией и Восточной Африкой. Далее плотной группой следуют страны Северной Африки и ЮАР. Из стран субсахарской Африки наиболее высокие показатели у Ботсваны (109 место), а замыкают указанный рейтинг Нигер и Чад [Measuring the Information Society 2011: 127].

При этом в последние годы в странах Африки активизировались дискуссии относительно создания современных технологических парков, способных производить собственные технологии. Так, в Кении в саванне недалеко от Найроби планируется создание кремниевой саванны — технопарка «Конза Техно Сити» (*Konza Techno City*), который должен составить конкуренцию всемирно известной кремниевой долине в США.

В Конза планируют разместить компании, занимающиеся аутсорсингом бизнес-процессов, разработкой программного обеспечения, центры обработки и аварийного восстановления данных, колл-центры, а также несколько предприятий легкой промышленности. В новом городе будут построены жилые кварталы, больницы, школы, гостиницы и другие объекты инфраструктуры.

Примерная стоимость строительства «силиконовой саванны» в Кении оценивается в 800 млрд кенийских шиллингов (согласно действующему курсу, это примерно 9 млрд дол.). При этом правительство собирается взять на себя только около 5 % расходов. Основные надежды на успешное завершение этого амбициозного проекта возлагаются на частный бизнес. Государство планирует сдавать участки земли, отведенные под строительство, в лизинг частным инвесторам, которые и будут заниматься возведением конкретных объектов [Konza Techno City].

Аналогичный проект есть и в Гане. Там планируют воздвигнуть «Город надежды». Предварительная стоимость строительства оценивается в 10 млрд дол. При этом планы правительства Ганы

не менее грандиозны. В частности, планируется возвести вблизи Аккры новый небоскреб, который должен стать самым высоким зданием в Африке (270 м). В нем как раз и должны разместиться основные ИТ-компании, занимающиеся развитием информационного сектора страны. Также планируется построить еще и Технологический университет, который и должен готовить высококвалифицированные кадры в сфере «высоких» технологий.

Однако и так очевидно, что реализация столь амбициозных проектов как в Кении, так и в Гане представляется возможной только при помощи и во многом под контролем глобальных международных финансовых организаций и зарубежных частных инвесторов, что создает известные препятствия на пути развития в странах Африки собственных НИОКР и технопарков, которые не будут являться «филиалами» зарубежных, прежде всего западных, компаний.

В этой связи для нас остается открытым вопрос, насколько указанные проекты реализуемы на практике. Если там будут работать преимущественно западные компании либо западные инвесторы будут оставаться основными акционерами, которым принадлежит контрольный пакет акций в новых компаниях, то вряд ли данные проекты можно будет считать чисто африканскими предприятиями.

Возникает, таким образом, «эффект замкнутого круга». Страны Африки признают необходимость создания на своей территории современных высокотехнологичных информационно-коммуникационных комплексов, однако они в большинстве своем не располагают ни технологиями, ни финансовыми ресурсами. В результате перед африканскими государствами встает вопрос о том, где взять деньги, которые дали бы возможность построить технологические парки. Самым простым решением этого вопроса представляется привлечение зарубежных (неафриканских), преимущественно западных инвесторов и создание для их деятельности режима наибольшего благоприятствования. Именно этот путь избрали большинство африканских стран, когда встал вопрос о необходимости кардинальной модернизации их экономик. Однако, с нашей точки зрения, это тупиковый путь, и вряд ли он при-

ведет к резкому прорыву в сфере развития «высоких» технологий в Африке, а не к укреплению зависимости африканских обществ от своих более развитых западных «партнеров», которая в новых условиях приобретает характер информационной.

По вполне понятным причинам крупнейшие мировые державы не собираются в обозримом будущем утрачивать свои позиции на африканском континенте, особенно если принимать во внимание жесткую конкуренцию с Китаем, имеющим свои интересы в Африке, а значит, им не может быть выгодно «подтягивать» до своего уровня развития африканские государства. Бесспорно, они будут оказывать помощь указанным странам в создании их национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры, прикрываясь избитыми лозунгами, что каждый человек должен иметь равный доступ к информации и новейшим информационным системам. В действительности же чрезмерное участие западных корпораций и западного капитала в строительстве информационно-коммуникационной инфраструктуры африканских стран приведет к тому, что ведущие мировые лидеры информационно-коммуникационного производства установят полный контроль над информационными системами и телекоммуникациями развивающихся стран.

В этой связи, на наш взгляд, африканским странам следует кардинальным образом сменить свои внешнеполитические приоритеты и встать на путь внутриафриканского сотрудничества, с тем чтобы первые в Африке технопарки, разумеется, в случае если они будут в конечном итоге построены, превратились бы не в новое средство удержания позиций ведущих мировых держав в регионе, но были бы поставлены на службу интересам всех африканцев. Пока же налицо наращивание конкуренции в этом вопросе между отдельными африканскими странами. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что о своем намерении построить в пригороде Аккры «Город надежды» президент Ганы Джон Мохамма заявил в марте 2013 г. после того, как в январе 2013 г. президент Кении Мвай Кибаки заявил о строительстве технопарка «Конза Техно Сити». Таким образом, с нашей точки зрения, успешная реализация проектов по строительству в Африке технопарков напрямую

зависит от степени консолидации африканского общества, поскольку данные проекты имеют общеафриканское значение и их реализация требует колоссальных финансовых затрат, которые не способно взять на себя какое-либо одно африканское государство.

Однако и так понятно, что активизации внутриафриканского сотрудничества должно предшествовать достижение определенного консенсуса между большей частью африканских государств. Иными словами, страны Африки должны выработать общее видение решения большинства стоящих перед континентом вызовов и угроз и наметить основные пути их преодоления.

В целом следует признать, что в странах Африки существует понимание глобальных проблем, но конкретных эффективных совместных путей их решения так до сих пор и не выработано. И африканские страны по-прежнему ждут, когда мировое сообщество найдет приемлемое решение большинству стоящих перед континентом проблем, включая и проблему преодоления «цифрового разрыва». Однако, даже если подобное решение в конце концов и будет найдено, оно, скорее всего, будет означать исключительно глобальное решение глобальной проблемы, но не африканское решение африканской проблемы.

Поиск же африканского решения африканской проблемы, с нашей точки зрения, напрямую зависит от интенсификации сотрудничества между африканскими странами. Однако сегодня Африка по-прежнему «занимает последнее место в мире по показателям внутрирегиональной торговли и инвестиций» [Можаров 2009: 6].

Можно попытаться объяснить это обстоятельство тем, что «в Африке интеграционные процессы протекают в условиях ее зависимого положения в системе мирового хозяйства, что в определенной степени сказывается на последовательности проводимых в странах реформ, формах и содержании региональной интеграции» [Пшонковский 2003: 7].

Тем не менее, несмотря на наличие определенных и достаточно серьезных трудностей, можно констатировать, что процесс внутриафриканской интеграции в той или иной степени развивается. Однако анализ современной ситуации позволяет нам сделать

вывод о том, что в среднесрочной перспективе в Африке вряд ли следует ожидать появления какой-либо более или менее мощной и влиятельной интеграционной группировки. Причин этому достаточно много. Это и крайне неравномерный уровень экономического и социального развития различных стран континента, и серьезные политические разногласия между отдельными африканскими государствами. Огромное количество происходящих в Африке межэтнических столкновений — наиболее яркое тому подтверждение. Указанные причины в известной степени тормозят процессы внутриафриканской интеграции.

Таким образом, нам представляется, что в ближайшем будущем единства среди многонациональных африканских государств достичь будет крайне сложно. Хотя следует отметить, что в последние годы в Африке можно наблюдать некоторые положительные сдвиги в этом направлении. По крайней мере, большинство африканских государств сумело выработать более или менее единую точку зрения на многие стоящие перед континентом проблемы.

Так, многие африканские лидеры сходятся во мнении, что развитию информационных технологий следует уделять повышенное внимание. В этой связи именно необходимость развития информационных технологий и выработка совместных путей формирования информационного общества в Африке, на наш взгляд, вполне могут стать той общей идеей, которая бы объединила страны региона.

Возможно, странам Африки для начала следует идти по пути создания малых интеграционных форм — на западе (под эгидой Сенегала и Нигерии), на юго-востоке (под эгидой Маврикия, ЮАР и Кении), на севере (под эгидой Египта и Марокко). Указанные государства добились определенных успехов на пути построения информационного общества, и они в состоянии оказать содействие своим менее развитым африканским партнерам в построении их национальных информационно-телекоммуникационных систем.

Надо сказать, что некоторые успехи в этом направлении африканскими странами все-таки были достигнуты. Еще 9 марта 2003 г. главы государств и правительств африканских стран приняли Программу развития системы широкополосной связи в Африке,

которая в перспективе должна соединить между собой все государства континента. Программа состоит по сути из двух частей: программы развития широкополосной связи в Восточной и Южной Африке и аналогичной программы для Западной, Центральной и Северной Африки. По предварительной оценке, в Африке предстояло провести около 30 000 км оптоволоконных линий.

Принципиальное решение о развитии широкополосной системы связи в Восточной и Южной Африке было принято на проводимой под эгидой Комиссии НЕПАД «Электронная Африка» конференции в Йоханнесбурге (ЮАР) 28–30 июля 2004 г. А 29 августа 2006 г. в Кигали (Руанда) группа африканских стран подписала особый протокол, направленный на развитие высокоскоростных линий связи на востоке и юге континента. Этот протокол подписали Ботсвана, Демократическая Республика Конго, Лесото, Мадагаскар, Малави, Маврикий, Руанда, ЮАР, Танзания, Уганда, Замбия и Зимбабве. Вступил в действие протокол в феврале 2008 г., после того как он был ратифицирован большей частью стран, его подписавших.

Кигалийский протокол был направлен прежде всего на содействие развитию линий широкополосной связи в Восточной и Южной Африке и создание благоприятных условий для деятельности частных инвесторов [NEPADE-Africa Commission].

Сам факт подписания подобного соглашения, на наш взгляд, убедительно свидетельствует о том, что африканские страны, по крайней мере расположенные на востоке и юге континента, стремятся выработать единую стратегию в развитии новейших информационных технологий в своем регионе.

Что же касается стран Западной и Центральной Африки, следует отметить, что этим государствам не удалось выработать такого документа, как кигалийский протокол. В июле 2005 г. в Дакаре (Сенегал) состоялся международный симпозиум, на котором было принято решение о развитии в регионе системы современных широкополосных линий связи. Однако в связи с отсутствием ресурсов на реализацию этого проекта симпозиум не выработал никаких конкретных предложений.

Надо сказать, что подобный сценарий развития событий был вполне предсказуем, хотя бы потому, что в Центральной Африке расположены наименее развитые африканские государства, включить которые в panaфриканское информационно-телекоммуникационное пространство будет достаточно сложно.

Принимая во внимание данное обстоятельство, страны, подписавшие кигалийский протокол, решили расширить его действие на другие африканские государства, объяснив это тем, что они преследуют цель развития системы широкополосной связи по всей Африке. Соответствующая резолюция была принята 15 октября 2007 г. в Йоханнесбурге (ЮАР) на встрече министров, отвечающих за развитие информационно-телекоммуникационного сектора стран, подписавших кигалийский протокол. На этой встрече было особенно подчеркнуто, что подписанный в Кигали протокол не предусматривает развитие системы широкополосной связи только на юго-востоке континента. К нему могут присоединиться и другие африканские государства. Тем самым существует надежда, что кигалийский протокол может в перспективе стать документом, положившим начало процессам реальной внутриафриканской интеграции и сотрудничеству между странами континента. С нашей точки зрения, это представляется возможным, поскольку документ направлен на решение общей для всех африканских государств проблемы, а именно на развитие информационно-телекоммуникационной инфраструктуры и существенное улучшение качества связи как внутри Африки, так и с другими континентами. Принимая во внимание высокую затратность указанного проекта, ограниченный финансовый потенциал отдельных африканских стран и его чрезвычайную значимость для Африки в целом, представляется очевидным, что «планирование на национальном уровне и объединение ресурсов для финансирования приоритетных региональных проектов является наиболее реалистичной стратегией углубления региональной интеграции» [Можаров 2009: 6].

При этом одновременно с интенсификацией процессов внутриафриканской интеграции и объединения усилий всех африканских стран перед лицом общих вызовов и угроз, по нашему мнению,

должна быть существенно ограничена роль иностранных (неафриканских) инвесторов. Только в этом случае возможна минимизация зависимости африканских стран от западных инвестиций и технологий. Однако, принимая во внимание африканские реалии, реализация подобного сценария представляется маловероятной в обозримой перспективе, несмотря на наличие определенных положительных тенденций в этом направлении, и Африка, по всей видимости, так и останется на периферии мировых информационно-коммуникационных процессов.

Библиография

Бек У. Политическая динамика в глобальном обществе риска // *Мировая экономика и международные отношения.* 2002. № 5. С. 10–19.

Гидденс Э. Социология.

<http://society.polbu.ru/giddens_sociology/ch161_all.html>.

Матвеева Н.Ф. Кения: имидж стабильности? // *Азия и Африка сегодня.* 2009. № 6. С. 34–40.

Можаров А.Н. Африка. Укрепить региональную экономическую интеграцию // *Азия и Африка сегодня.* 2009. № 11. С. 6–7.

Пионковский Р.Э. Внешние факторы развития экономической интеграции в Африке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 20 с.

Ролз Дж. Закон народов: неидеальная теория // *Неприкосновенный запас.* 2002. № 4 (24). <<http://magazines.russ.ru/nz/2002/4/rolz.html>>.

Тунисское обязательство / Всемирный саммит по информационному обществу. Тунис, 2005. <http://www.un.org/russian/conferen/wsis/wsis_commitment.htm>.

Шиллер Г. Культурный империализм: источники, содержание и современные модели // *Пси-фактор: Информационный ресурсный центр по научной и практической психологии.* <<http://psyfactor.org/shiller2.htm>>.

Concept for Nigeria's Vision 2020 // *Medical Association of Nigerians Across Great Britain.* <<http://www.mansag.org/downloads/Vision-2020.pdf>>.

Kenya Vision 2030. Nairobi, January 2007. 20 p. // *Ministry of State for Planning and National Development and Vision 2030.* <<http://www.planning.go.ke>>.

Konza Techno City. <<http://www.konzacity.co.ke>>.

Measuring the Information Society. Geneva, 2011. 174 p. <<http://www.itu.int/net/pressoffice/backgrounders/general/pdf/5.pdf>>

NEPAD E-Africa Commission. <<http://www.eafricacommission.org>>.